

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

ORCID: 0000-0003-1924-8535

*Р. В. Берёзкин**

Автобиографические черты в «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести» Оуян Сю (1070 г.) (перевод с предисловием)

Аннотация. «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» (*Лю-и цзюйши чжуань* 六一居士傳) относится к числу лучших произведений Оуян Сю 歐陽修 (1007–1072), одного из самых известных мастеров китайской классической прозы. Оно тем не менее мало известно в отечественном китаеведении и ещё не переводилось на русский язык. В этой работе представлен его первый перевод на русский язык с предисловием, которое объясняет особенности этого произведения и его значение в китайской классической литературе. «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» представляет собой редкий образец шутильной «идеализированной» автобиографии, относящийся к зрелой стадии развития этой формы. Истоки её можно обнаружить в творчестве Тао Юаньмина 陶淵明 (365–427) и литераторов эпохи Тан, которые также создали подобные «жизнеописания». Вместе с тем «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести», в котором представлены с некоторыми деталями увле-

* *Берёзкин Ростислав Владимирович*, канд. филол. наук, Ph. D., старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований, Фуданьский университет (Шанхай, КНР); старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), berezkin56@yandex.ru

© Берёзкин Р. В., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

чения Оуян Сю, обладает большой оригинальностью в сравнении с предшествующими «жизнеописаниями», в чём выражается индивидуальность литератора. Таким образом, Оуян Сю внёс вклад в развитие традиционной формы автобиографической литературы в средневековом Китае.

Ключевые слова: идеализированная автобиография, китайская классическая проза, Оуян Сю, литература и писатели эпохи Сун

*Rostislav V. Berezkin**

Autobiographical Features in the “Biography of the Hermit One Among Six” by Ouyang Xiu (1070): Translation with Preface

Abstract. The “Biography of the Hermit One Among Six” (*Liuyi jushi zhuan* 六一居士傳) belongs to the best prosaic works by Ouyang Xiu 歐陽修 (1007–1072), one of the most famous masters of Chinese classical prose. This piece is not well-known in the Russian sinology, and it still has not been yet translated into Russian. This work presents the first Russian translation of the “Biography of the Hermit One Among Six” with introduction that presents the special features of this text and explains its significance in the history of Chinese classical literature. The “Biography of the Hermit One Among Six” by Ouyang Xiu constitutes a rare example of playful “idealized” autobiography which belongs to the mature stage of development of this form in Chinese literature. This literary form can be traced back to the prose by Tao Yuanming 陶淵明 (365–427) and several Tang-dynasty literati, who also created similar autobiographies. At the same time, the “Biography of the Hermit One Among Six” possesses significant originality in comparison with the previous “biographies”, which expressed individuality of Ouyang Xiu. In this way he contributed to the development of the traditional forms of autobiographic literature in medieval China.

Keywords: “idealized” autobiography, Chinese classical prose, Ouyang Xiu, Song-dynasty literature and literati

«Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» (*Лю-и цзюйши чжуань* 六一居士傳) относится к числу лучших произведений Оуян Сю 歐陽修 (1007–1072), одного из самых известных

* *Berezkin Rostislav Vladimirovich*, Ph. D. (Philology), Senior Research Fellow, National Institute for Advanced Humanistic Studies at Fudan University (Shanghai, PRC); Senior Research Associate, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), berezkin56@yandex.ru

мастеров китайской классической прозы¹. Оуян Сю (второе имя Юншу 永叔, посмертное имя Вэньчжун 文忠), великий поэт и прозаик эпохи Сун (960–1279), был в то же время и крупным политическим деятелем, и историком². Его имя достаточно хорошо известно и отечественному читателю; существуют исследовательские работы о разных аспектах его творчества на русском языке [Серебряков 1979, с. 207–246; Алимов, Серебряков 2004, с. 71–76; Алимов 2006, с. 373–377; 2009, с. 244–260; Лапина, Бонч-Осмоловская 2016, с. 769–772; и др.]³. «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» тем не менее относится к числу мало известных в отечественном китаеведении произведений Оуян Сю. В то время как зарубежные исследователи уже давно обратили внимание на этот текст⁴, он ещё не переводился на русский язык. В этой работе представлен его первый перевод на русский язык с предисловием, которое объясняет особенности этого произведения и его значение в китайской классической литературе.

«Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» принадлежит к форме литературы, которую можно условно обозначить как шутиливую автобиографию. «Отшельник Один из Шести» – псевдоним Оуян Сю, который в этом тексте объясняется следующим образом: «У меня в доме хранится книг десять тысяч свитков; собраны тексты сохранившихся [древних] надписей на бронзе и камне начиная от трёх династий – тысяча свитков; есть один цинь; есть одна доска для [игры в] ци; и часто я ставлю [там] один кувшин вина». Отшельник проводит свою старость среди этих пяти вещей, поэтому становится «шестым».

«Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» было написано Оуян Сю в 1070 г. (как следует из даты, поставленной в конце этого текста), когда ему было уже 64 года. В 1067 г. поэт в очеред-

¹ Оригинал см. [Оуян Сю 2001, т. 2, с. 634–636].

² Оуян Сю был редактором «Новой книги (т. е. истории. – Р.Б.) Тан» (*Синь Тан шу* 新唐書) и «Новой истории Пяти династий» (*Синь Удай ши* 新五代史).

³ См. также исследования на англ. яз.: [Locke 1951; Liu 1967; Egan 1984].

⁴ См., например, [Bauer 1990, p. 293–296; *Kawai Ko:dzo*: 1996, с. 108–114; Сунь Цзуньин 2016; Ван Ин 2017]. Пер. на англ. яз. Р. Эгана и Р. Хегеля, см. [Egan 1984, p. 223–224; Mair 1994, p. 591]; пер. на нем. яз. см. [Bauer 1990, p. 293–294].

ной раз попал в опалу и получил назначение на должность в провинции – правителя области Бочжоу 亳州 (современная провинция Аньхой), а затем – Цинчжоу 青州⁵. Конфликт с центральной властью был вызван в первую очередь несогласием с новым курсом реформ Ван Аньши 王安石 (1021–1086). Оуян Сю решительно выступил против одного из нововведений, а именно так называемого «закона [о ссуде] на ранние всходы» (цинмяо фа 青苗法)⁶, и запретил проводить эту реформу на территории подконтрольной ему области.

В девятой луне 1070 г. Оуян Сю был переведён на должность правителя области Цайчжоу 蔡州 (современная провинция Хэнань), где, по-видимому, и было создано «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести». Через год после вступления в эту должность Оуян Сю вышел в отставку и поселился в области Инчжоу 潁州 (современный Фуян 阜陽 в провинции Аньхой). Об этих намерениях Оуян Сю и говорит в своём «жизнеописании»⁷. В Инчжоу он провёл последние месяцы своей жизни; поэт умер в 1072 г.

Таким образом, «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» следует рассматривать как произведение завершающего периода творчества Оуян Сю; можно сказать, что это итог его творческих исканий. Вместе с тем текст написан в рамках старинной традиции, которая восходит ещё к величайшему поэту Китая Тао Юаньмину 陶淵明 (или Тао Цяню 陶潛, 365–427)⁸. Тот создал шутиливую автобиографию «Жизнеописание Господина [под Сенью] Пяти Ив» (*У-лю сяньшэн чжуань* 五柳先生傳, ок. 415 г.), которая, несмотря на свой небольшой объём (всего 200 иероглифов), стала одним из самых знаменитых его прозаических произведений и вместе с тем – образцом для последующих текстов подобного

⁵ Основным источником о жизни Оуян Сю является его жизнеописание в «Истории Сун» (*Сун ши* 宋史) [Тото 1997, цз. 319, с. 10377–10381]; см. также [Liu 1967; Franke 1976, vol. 2, p. 808–816; Лю Дэцин 1995; Алимов 2009, с. 244–254; Лапина, Бонч-Осмоловская 2016, с. 769–772].

⁶ Об этой и других реформах Ван Аньши см., например [Liu 1959].

⁷ Известно, что Оуян Сю подал прошение об отставке ещё в 1068 г. [Тото 1997, цз. 319, с. 10381].

⁸ О его творчестве и влиянии на последующее развитие китайской литературы см. [см. Эйдлин 1967, с. 7–131; Кравцова, Алимов 2014, т. 1, с. 554–575].

жанра⁹. Похожие «автобиографии» были также созданы литераторами Юань Цанем 遠粲 (420–477) – «Жизнеописание Господина Прекрасных Добродетелей» (*Мяо-дэ сяньшэн чжуань* 妙德先生傳)¹⁰, Ван Цзи 王績 (второе имя Угун 無功, 590–644) – «Жизнеописание Господина Пяти Доу [Вина]» (*У-доу сяньшэн чжуань* 五斗先生傳)¹¹, Бо Цзюйи 白居易 (772–846) – «Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» (*Цзуй-инь сяньшэн чжуань* 醉吟先生傳)¹² и Лу Гуймэном 陸龜蒙 (? – ок. 881) – «Жизнеописание Господина из Пули» (*Пули сяньшэн чжуань* 浦里先生傳)¹³.

В этих произведениях можно найти только отдельные автобиографические черты, и они далеки от европейских представлений о форме и содержании автобиографии. В них представлен скорее идеал китайского литератора, нежели реальная личность, поэтому их можно характеризовать как «идеализированную автобиографию». Японский исследователь Каваи Ко:дзо: 川合康三, который специально изучал произведения подобного рода, предлагает для этой формы термин «воображаемое эго» (*ко: аритайварэ* かく (= こう) ありたい我れ) [Каваи Ко:дзо: 1996, с. 67]. Чтобы анализировать особенности «Жизнеописания Отшельника Одного из Шести», мы должны сравнить его с другими похожими произведениями в классической литературе, прежде всего с «Жизнеописанием Господина [под Сенью] Пяти Ив», которое можно признать программным в этом жанре¹⁴, а также «Жизнеописанием Госпо-

⁹ Оригинал см. в [Тао Юаньмин 1996, с. 420–424]; см. также [Эйдлин 1967, с. 30–33; Кравцова, Алимов 2014, т. 1, с. 560–561].

¹⁰ Текст этого произведения (или только сохранившаяся до нашего времени его часть) включена в жизнеописание Юань Цаня в «Книге (т. е. истории. – Р.Б.) Сун» [*Сун шу* 宋書)], см. [Шэнь Юэ 1997, цз. 49, т. 5, с. 2230–2231].

¹¹ Оригинал см. в [Цюань Тан вэнь 2002, цз. 132, т. 2, с. 799], пер. на англ. яз. [Warner 2003, p. 103]. Ван Цзи был известным литератором в конце периода Суй (581–618) – начале Тан (618–907), оказавшим значительное воздействие на развитие художественной традиции при Тан; о нём см., например [Кравцова, Алимов 2014, т. 2, с. 955–959].

¹² Оригинал см. в [Бо Цзюйи 1988, т. 6, с. 3782–3783]. Перевод на русский язык с комментарием см. [Березкин 2021]; см. также [Mair, Berezkin 2009].

¹³ Оригинал см. в [Цюань Тан вэнь 2002, цз. 801, т. 6, с. 4958–4959].

¹⁴ Истоки подобной традиции жизнеописания можно проследить в более раннюю эпоху; её предшественниками стали «биографии» идеальных или даже вымышленных персонажей, созданные в эпохи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), Вэй (220–265) и Цзинь (265–316), см. [Каваи Ко:дзо: 1996, с. 70–72; Bauer 1990, p. 156–157].

дина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» и «Жизнеописанием Господина из Пули», более близкими по времени написания к тексту Оуян Сю¹⁵. Несмотря на многие общие черты, существуют и значительные различия в этих произведениях.

Преемственность между этими текстами проявляется уже в самих названиях: так, «Отшельник Один из Шести» сопоставим с прозвищами предшественников, в особенности с теми, в которых присутствуют числительные, – «Господином [под Сенью] Пяти Ив» и «Господином Пяти Доу [Вина]». Тем не менее выбор такого прозвища несомненно оригинален, причём автор ставит себя на уровень своих пяти любимых вещей (или категорий вещей), что в целом нехарактерно для классической литературы. В этом случае возможно увидеть влияние буддизма, который настаивает на преодолении различия субъекта и объекта в познании (восприятии) мира, ведущем к просветлению. В философии Махаяны понятие «я» считается иллюзорным, а различие субъекта и объекта отрицаются [Торчинов 2002, с. 87–89]¹⁶. «Отшельник» рассматривает себя в ряду своих излюбленных предметов (развлечений), что придаёт им особый онтологический статус. Этот не явно выраженный религиозный (буддийский) подтекст в сочетании с термином «отшельник», который часто употребляется в буддийском контексте (также как перевод санскр. упасака – верующий мирянин, последователь буддизма, не принявший пострижения), при этом в целом соответствует духу эпохи, так как буддизм продолжал оказывать воздействие на творчество сунских литераторов, даже при том что они его часто критиковали (в том числе и Оуян Сю) [Мартынов 1982, с. 87–89].

Кроме того, значительно отличается стиль начальных строк произведения. Так, в «Жизнеописании Господина [под Сенью] Пяти Ив» говорится: «[Этот] господин, не знаю, откуда [он про-

¹⁵ «Жизнеописание Господина Пяти Доу [Вина]» стоит несколько особняком от этих произведений, так как в нём мало конкретики в отношении деталей жизни поэта. Вероятно, это связано и с маленьким объёмом этого текста (в нём всего 160 слов-иероглифов). По этой причине здесь он подробно не рассматривается.

¹⁶ Принцип отрицания различия между субъектом (личностью) и объектом (окружением) лежит в основе практики Чань, см. [Гуревич 2001, с. 83–85].

исходил], и также неизвестны его фамилия и второе имя¹⁷. У [его] дома было пять ивовых деревьев, и от них образовалось [его] прозвище» (先生不知何許人也，亦不詳其姓字。宅邊有五柳樹，因以為號焉)¹⁸. Такой подход стал типичным для подобного рода произведений. С одной стороны, он создаёт шуточный тон для последующего повествования, в котором литератор намеренно скрывается под маской своего идеализированного альтер-эго. Этот приём можно рассматривать как пародию на официальные жизнеописания исторических деятелей, которые начинались с указания имени и места происхождения человека, его чинов и званий. С другой стороны, подобные строки выражают позицию автора, в которой отвергаются чины и даже официальное имя как нечто незначительное, на первый план выходит личная жизнь и увлечения персонажа. Исследователи китайской автобиографической литературы, в том числе немецкий учёный В. Бауэр, также отмечают здесь возможное влияние даосской философии, так как идеи «отсутствия имени» («неназванности»), самодостаточности индивида, а вместе с тем пренебрежения к титулу и чиновничьей карьере можно в конечном счёте возводить к таким ранним памятникам даосов, как «Канон Пути и благодати» (*Дао дэ цзин* 道德經, ок. VII–V вв. до н. э.) и «[Трактат] Учителя Чжуана» (*Чжуан-цзы* 莊子, IV–III вв. до н. э.) [Bauer 1990, p. 294–295]¹⁹.

Схожие намерения автора присутствуют в расширенном вступлении в «Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи», которое явно моделируется по образцу произведения Тао Юаньмина: «[Что касается] Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи, [то я] забыл его фамилию и второе имя, [его родной] край и деревню, должность и титул, и так в забытьи,

¹⁷ Второе имя традиционно присваивалось по достижении совершеннолетия. Например, вторым именем Бо Цзюйи было Бо Лэтянь 白樂天.

¹⁸ Все русские переводы цитат в этой работе – автора статьи.

¹⁹ Как известно, философия даосизма оказала огромное влияние на развитие теории литературного творчества в Китае [Алексеев 2002, т. 2, с. 7–8; Сторожук 2010, с. 283–316]. Темы ранних даосских сочинений прослеживаются и в ранних образах биографий вымышленных или идеализированных персонажей, созданных при Хань, Вэй и Цзинь [Каваи Кодзо: 1996, с. 49–54]; некоторые даосские мотивы появляются и в творчестве Тао Юаньмина.

[я и сам] не знаю, кто я есть [на самом деле]» 醉吟先生者，忘其姓字、鄉里、官爵，忽忽不知吾爲誰也²⁰. Хотя здесь Бо Цзюйи открывает маску, сообщая читателю, что речь пойдёт о нём самом; он констатирует, что дальше представит свой идеализированный образ. На него похоже и начало гораздо более раннего «Жизнеописания Господина Прекрасных Добродетелей», где по мере создания образа литературного персонажа начинают проступать автобиографические черты [Каваи Ко:дзо: 1996, с. 72]. Явное продолжение этого приёма, идущего от Тао Юаньмина, мы находим и в тексте Лу Гуймэна: «Господин из Пули, не знаю, откуда [он происходил]. Люди видели его пашущим [на поле] в Пули, поэтому [так его] и прозвали» 甫里先生者，不知何許人也，人見其耕於甫里，故云.

Первые строки «Жизнеописания Отшельника Одного из Шести», напротив, представляют отход от этого стиля, они звучат более конкретно, упоминают и старое прозвище поэта, и некоторые детали его биографии, по которым он может быть идентифицирован читателем: «“Отшельник Один из Шести” сначала был сослан в Чушань [и тогда] взял себе прозвище “Пьяный старец”. [Когда же он] стал старым, дряхлым и больным, [он] собрался уйти на покой и [поселиться] на берегу реки Иншуй; тогда [он] снова изменил своё прозвище на “Отшельник Один из Шести”». Здесь идёт речь о периоде ссылки Оуян Сю в 1045 г., который характеризуется как один из самых плодотворных в его творческой биографии [Egan 1984, p. 7]²¹. Тогдашнее прозвище поэта вошло в название другого знаменитого прозаического текста – «Записки о беседе Пьяного старца» (*Цзуйвэн тин цзи* 醉翁亭記, в переводе академика В. М. Алексеева – «В беседе пьяного старца») ²². Таким

²⁰ В старом Китае было принято говорить о себе в третьем лице, но здесь такое обращение явно использовано как литературный приём: автор как бы примеряет на себя литературную маску и тут же её отбрасывает. При этом следует отметить и возможное влияние буддийских идей об иллюзорности понятий «я» и «сам», которые уже упоминались выше (известно, что Бо Цзюйи придавал большое значение буддизму, о чём упоминает и в своём «жизнеописании»).

²¹ Наряду с периодом его первой ссылки в Илин 夷陵 (пров. Хубэй) в 1036–1039 гг.

²² Пер. на русск. яз. см. [Алексеев 1958, с. 302–304, Алексеев 2012, т. 2, с. 218–220]; пер. на англ. яз. см. [Egan 1984, p. 214–215].

образом, в начале «Жизнеописания Отшельника Одного из Шести» сопоставляются два периода жизни литератора.

В 1045 г. опала Оуян Сю была связана с провалом так называемых реформ годов Цинли (*Цинли синь чжэн* 慶歷新政), которые пытался осуществить Фань Чжунъянь 范仲淹 (989–1052), его старший единомышленник и покровитель. В результате придворных интриг Оуян Сю был обвинён в кровосмесительной связи с племянницей, жившей с детских лет в его доме (затем это обвинение было опровергнуто за отсутствием доказательств), поэт был сослан в область Чучжоу 滁州 (современный город Чучжоу в пров. Аньхой). Там он провёл два года, после чего последовали переводы в Янчжоу 揚州 (пров. Цзянсу), а в 1049 г. – в Инчжоу. Прошло пять лет, прежде чем Оуян Сю получил возможность вернуться ко двору. В эти годы опалы у него появилось свободное время, в которое он обратился к созданию шутилой «развлекательной» литературы. Одним из любимых мест его отдыха стала «Беседка Пьяного старца» у подножия горы Ланъе 琅琊 в Чучжоу, которой также посвящено его стихотворение (см. Приложение 2)²³. Помимо «Записок о беседке Пьяного старца», в этот период были написаны и другие знаменитые произведения Оуян Сю, например «Записки о беседке Изобилия и радости» (*Фэнлэ тин цзи* 豐樂亭記; в переводе В. М. Алексеева – «О моём павильоне Роскошного Довольства») и др.²⁴ Впечатления периода жизни в Чучжоу, как и псевдоним «Пьяный Старец», нашли отражение и в творчестве Оуян Сю более позднего периода.

«Отшельник Один из Шести» также стал известным псевдонимом Оуян Сю в последние годы его жизни. Так, он появляется в книге «Разговоры о стихах Одного из Шести» (*Лю-и ши-хуа* 六一詩話), являющейся важной вехой развития классической поэтики Китая; её определяют как первое произведение в жанре *шихуа* (название которого можно перевести как «рассуждение о стихах»), также развивавшегося в эпоху Сун²⁵. «Разговоры о стихах

²³ Беседка, связанная с именем Оуян Сю, была восстановлена на прежнем месте в Чучжоу в современный период.

²⁴ Пер. на русск. яз., см. [Алексеев 2012, т. 2, с. 234–237].

²⁵ Пер. на русск. яз. и исследование см. [Алимов 2009, с. 300–327].

Одного из Шести» были созданы Оуян Сю в Инчжоу в 1071 г., уже после отставки со службы²⁶. Смена псевдонима раскрывает эволюцию литератора, в нём выражается его стремление (по крайней мере декларируемое) отрешиться от государственных дел и уйти на покой, поселившись в поместье на берегу реки Иншуй 潁水. Поэт решил обосноваться в этой местности ещё во время службы в Инчжоу в 1049 г.; впоследствии он купил там землю и выстроил поместье.

Разочарование в служебной карьере, усталость от официальных приёмов и административной работы ясно выражена в следующих строках «Жизнеописания Отшельника Одного из Шести»: «Тем не менее я часто волнуюсь, что не смогу в полной мере насладиться радостью от них (пяти своих увлечений. – Р.В.); дела света приносят мне много усталости. [Самые] большие из них – две: экипажи, одеяния, [нефритовые] жезлы и шнуры [для печатей] утомляют моё тело снаружи; заботы, страхи, думы и печали утомляют моё сердце внутри. Они заставляют моё тело даже без болезней уже истощаться; а [моё] сердце ещё до старости преждевременно ослабеть. А до сих пор когда же у меня было [свободное] время на эти пять вещей?» Оуян Сю выражает желание поселиться на лоне природы, чтобы там предаваться своим увлечениям. Этой мечте Оуян Сю фактически не дано было осуществиться, так как в отставке он прожил совсем недолго.

Таким образом, текст Оуян Сю начинается с некоторых фактов из жизни литератора, что уже встречалось в предшествующих жизнеописаниях, например в «Жизнеописании Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» Бо Цзюйи говорится: «Будучи чиновником, Господин странствовал [по свету] тридцать лет, а с приближением старости вышел в отставку и поселился в окрестностях Ло[яна]» 宦遊三十載，將老，退居洛下. Ещё больше автобиографических подробностей можно найти у Лу Гуймэна. Тем не менее «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» имеет значительное отличие от предшественников по форме, так как оно строится по принципу диалога между главным персонажем

²⁶ Собрание произведений Оуян Сю также носит название «Сборник [произведений] отшельника» (Цзюйши цзи 居士集), что намекает на его поздний псевдоним.

и его гостем. Эта форма не встречается в других «жизнеописаниях», но весьма обычна для древних философских сочинений, а также од-фу 賦, развивавшихся начиная с ханьского времени (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), см., например [Меньшиков 2007, с. 40–57].

Несмотря на индивидуальность каждого из этих текстов, созданных великими литераторами Китая, в них также прослеживаются общие темы, включающие литературу (чтение), вино, природу, музыку. При этом набор увлечений в каждом из «жизнеописаний» варьируется. Так, в числе своих увлечений Оуян Сю на первое место ставит чтение и упоминает свою обширную библиотеку. Эту черту можно проследить начиная с «Жизнеописания Господина [под Сенью] Пяти Ив», где чтение также появляется уже в начальных строках: «[Он] любил читать, но не искал [в книгах] глубокого понимания, и каждый раз, когда [он что-нибудь] осознал [из прочитанного], то приходил в восторг и забывал о еде» 好讀書，不求甚解，每有會意，便欣然忘食. Бо Цзюйи в своей автобиографии упоминает стихи других поэтов: даже когда он путешествовал по округе, «[он] брал в паланкин цитру и подголовник, [а также] несколько свитков со стихами Тао и Се», т. е. Тао Юаньмина и Се Линъюня 謝靈運 (385–433), также знаменитого поэта, который считается зачинателем китайской пейзажной лирики (昇中置一琴一枕，陶、謝詩數卷). Чтение серьёзной литературы (комментирование классиков) стоит на первом месте в произведении Лу Гуймэна: «Господин по природе [своей] был был грубым и праздным и не [признавал] ограничений и сдержанности, любил читать книги древних совершенномудрых людей» 先生性野逸無羈檢，好讀古聖人書. Лу Гуймэн также сообщает о составлении своей библиотеки, в чём близок к жизнеописанию Оуян Сю: «Хотя [книг] в [его] собрании было мало, все [они были] изысканные, достоверные, истинные и выверенные, и можно было [их] дать другим [почитать]» 所藏雖少，咸精實正定，可傳借人. Таким образом, хотя тема чтения и собирания книг является общей для всех этих «жизнеописаний», в ней также проявляется оригинальность авторов.

Несомненно, одной из центральных общих тем для всех текстов является винопитие. В произведении Оуян Сю вино упомина-

ется только однажды, в составе его пяти увлечений²⁷. Тем не менее в этом он опирается на старинную литературную традицию, которая ярко проявляется в творчестве Тао Юаньмина. Так, в «Жизнеописании Господина [под Сенью] Пяти Ив» говорится: «По натуре [своей он] был пристрастен к вину. [Его] семья была бедна, [он] не мог часто доставать [вино]. Родные и старинные друзья знали о такой его [природе] и время от времени, бывало, поставят вина и пригласят его [в гости]. [А он] придёт [к ним], станет пить, выпьет всё до конца, стараясь обязательно напиться. Когда же он напьётся пьян, так и уходит, никогда не раздумывая, остаться ли [ему гостить] или уйти» 性嗜酒，家貧不能常得，親舊知其如此，或置酒而招之。造飲輒盡，期在必醉，既醉而退，曾不吝情去留。 В творчестве Тао Юаньмина в целом тема вина играет особо важную роль, опьянение связывается с жизнью в отставке, идеалом «возвращения к садам и полям», становится метафорой духовной свободы [см. Эйдлин 1967, с. 24–27, 268–351; Кравцова, Алимов 2014, т. 1, с. 569–572]. По словам В. М. Алексеева, «поэзия вина в Китае... описывает опьянение как идеал сверхчеловека и сверхпоэта, освобождающегося от уз грубой земли...» [Алексеев 2002, т. 1, с. 261]. В этой области Тао Юаньмин также имел предшественников: тема вина появляется ещё у даосских мыслителей, а затем развивается в творчестве литераторов эпох Вэй и Цзинь, в особенности у «семи мудрецов из бамбуковой рощи» (*чжу линь ци сянь* 竹林七賢), а именно Жуань Цзи 阮籍 (210–263), Цзи Кана 嵇康 (223–263) и Лю Лина 劉伶 (ок. 225 – ок. 280) [Кравцова, Алимов 2014, т. 1, с. 477–493]. Эти поэты оказали огромное влияние на последующее развитие китайской литературы, включая и форму шуточной «автобиографии»; вино обычно представляется в ней как источник вдохновения.

Тема винопития становится центральной в «Жизнеописании Господина Пяти *Доу* [Вина]» Ван Цзи; она появляется сразу

²⁷ Мы придерживаемся традиционного перевода кит. слова *цзю* 酒 как «вино», учитывая, что в русском языке «вино» может обозначать и алкогольные напитки в целом. Следует иметь в виду, что в традиционном Китае это слово относилось не к виноградному вину, а к алкогольным напиткам, изготовленным из зерна, см. [Алексеев 2002, т. 1, с. 261].

в имени главного персонажа: «однажды за раз он выпил пять доу²⁸ [вина], поэтому взял себе такое прозвище» 嘗一飲五斗，因以為號焉。 Также присутствует вино и в прозвище Бо Цзюйи – «Господин, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи»; тема винопития развивается в его «жизнеописании» с ссылками на классиков начиная от «[Трактата] Учителя Чжуана» и в особенности – на Лю Лина: «Опьянение и декламация [стихов] следовали друг за другом, словно в круговороте. Отсюда достиг он [осознания того, что] жизнь²⁹ [вся] наша – [словно] сон³⁰, а знатность и богатство – [словно] облака³¹. [Он] сделал пологом своим небо, а сидением – землю³², так что и сотня лет могла пройти в одно мгновение, и в сладостном блаженстве, в полном забытии [он] не ведал, что скоро наступит старость» 醉吟相仍，若循環然。繇是得以夢身世，雲富貴，幕席天地，瞬息百年，陶陶然，昏昏然，不知

²⁸ В переводе на современные меры получается более 50 л (1 доу равен 10,3 л), имеется в виду баснословный объём [Каваи Ко:дзо: 1996, с. 77].

²⁹ Дословно «телесное (или физическое) пребывание в мире».

³⁰ Представление о человеческой жизни как о сне происходит из даосских памятников, см., например, «[Трактат] Учителя Чжуана» [Чжуан-цзы цзи ши 1985, цз. 1б, с. 104–105, 112]; русск. пер. см. [Малявин 2004, с. 69, 71]. Сходные представления широко пропагандируются также в буддизме. Особое распространение эти взгляды получают в прозе периода Северных и южных династий и Тан, см. [Алимов, Кравцова 2014, т. 2, с. 1027–1030].

³¹ Аллюзия на «Беседы и суждения», гл. 7 (*Шу эр* 述而 ([Я] передаю и)), 16: «Учитель сказал: “Есть грубую пищу, пить воду, согнуть локоть – и спать на нём, – в этом тоже есть радость. Не по справедливости – и стать богатым и знатным – для меня это подобно мимолётным облакам”» 子曰：飯疏食飲水，曲肱而枕之，樂亦在其中矣。不義而富且貴，於我如浮雲 [Лунь юй чжу шу 2000, с. 100], см. также [Переломов 2004, с. 182].

³² Цитата из «Гимна благой силе вина» (*Цзю дэ сун* 酒德頌) Лю Лина, в переводе Л. Н. Меньшикова (1926–2005):

Есть на свете наставник – великий человек;
 Это Небо и эта Земля для него – словно дома околица;
 Десять тысяч веков для него – как мгновенья пора,
 Эти солнце и месяц для него – как просветы оконные;
 Эти восемь пространств для него – как пути вокруг двора.
 Где проходит он, нет ни следов, ни дорог.
 Где поселится, нет ни лачуг, ни домов.
 И шатром ему небо, и подстилкой – Земля.

Куда мысли стремятся, идти он готов [Меньшиков, 2007, с. 71–72].

有大人先生，以天地為一朝，萬期為須臾。日月為扃牖，八荒為庭衢。行無轍跡，居無室廬。幕天席地，縱意所如 [Вэньсюань 1987, цзюань 47, с. 887]. См. также перевод В. М. Алексеева [Алексеев 2006, т. 1, с. 220–221].

老之將至. Тема винопития появляется и в «Жизнеописании Господина из Пули», где говорится, что он поначалу так любил вино, что повредил своё здоровье, и в последующем, хотя сам отказался от вина, всё равно выставлял его для своих гостей. «Господин из Пули» стал предпочитать чай вину, таким образом чай выступает как бы заместителем алкогольных напитков; он также приносит поэту удовольствие и вдохновение.

Другая общая тема четырёх жизнеописаний – жизнь на лоне природы. Хотя она и раскрывается без особых подробностей в «Жизнеописании Господина [под Сенью] Пяти Ив» (возможно, из-за краткости текста), она подспудно проявляется в описании жизни героя, живущего в отставке в сельском доме. Природа присутствует в самом его прозвище – «Господин [под Сенью] Пяти Ив», образованного от пяти деревьев, росших у его дома. Тема природы происходит также из общего контекста творчества Тао Юаньмина, где сельские пейзажи играют большую роль, недаром в Китае он стал известен как «поэт полей и садов». Так, тема природы выражена в его самых известных произведениях, включающих цикл стихов «Возвращаюсь к жизни в полях и садах» (*Гуйтянь юань цзюй 歸田園居*, ок. 405 г.) [Эйдлин 1967, с. 208–214]³³. В другом программном произведении Тао Юаньмина «Строфы о возвращении [домой]» (*Гуйцзюй лай си цы 歸去來兮辭*, ок. 406 г., в пер. В. М. Алексеева – «Домой, к себе. Напевные строфы») говорится:

Деревья, зеленея, стремятся к расцвету,
Источник, журча, начинает [свой] бег.
Познавая то, как обретают [своё] время³⁴ мириады созданий,
Ощуаю ход и завершение моей [собственной] жизни.
木欣欣以向榮，泉涓涓而始流。
善萬物之得時，感吾生之行休。³⁵

³³ См. также [Кравцова, Алимов 2014, т. 1, с. 561–564].

³⁴ Очевидно, имеется в виду развитие в соответствии с их сроком, гармония природы.

³⁵ В. М. Алексеев предложил следующий перевод этих строк: «Деревья, красуясь, приветливо-нежно цветут предо мною. Поток начинает свой бег немолчным журчаньем струи. Умело я буду смотреть на природу в её мириадах форм, как каждая тварь там найдёт себе время и место, а чувством, всем сердцем своим пойму, где мой жизненный путь и как он прервётся в конце» [Алексеев 1958, с. 177].

Жизнь в гармонии с природой описывается с большими подробностями в «идеализированных автобиографиях» танского времени. Так, Бо Цзюйи начинает «Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» с рассказа о саде в своём поместье и далее говорит о том, что путешествовал по окрестностям в поисках красивых пейзажей. В «Жизнеописании Господина из Пули» упоминаются прогулки на лодке, что было связано с географическими особенностями той местности, где он жил. Пули был расположен в области Сунцзян 松江 (современный городок Лучжи 甬直 округа Сучжоу 苏州 в провинции Цзянсу) – месте, которое славится своими водными путями.

В «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести» мы не найдём таких подробных описаний, но тема природы завуалированно присутствует и в нём. Так, в нём есть следующая фраза: «...если однажды Сын Неба в милости сжалится надо мной и подарит мне мои кости [в моё распоряжение], так я смогу вместе с этими пятью вещами возвратиться к [своим] полям и хижине, надеюсь осуществить свои давние намерения», то есть автор выражает стремление к жизни на лоне природы, вдали от городской суеты. Выражение «поля и хижина» здесь явно является скрытой аллюзией на творчество Тао Юаньмина, о котором говорилось выше. Собрание записок (*бицзи* 筆記) Оуян Сю также носит название «Записи вернувшегося к полям» (*Гуй тянь лу* 歸田錄)³⁶. При этом выражение «возвращение к полям» восходит к заглавию оды Чжан Хэна 張衡 (78–139), поэта эпохи Хань³⁷. В ней противопоставляется придворная жизнь и жизнь учёного отшельника на природе – тема, которая в дальнейшем развивается в китайской классической литературе.

В то же время в «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести» говорится и об увлечениях, которые были свойственны именно ему и не встречаются в предшествующих текстах, в чём проявляются автобиографические черты произведения. Одно из них – коллекционирование образцов каллиграфии, которое

³⁶ Пер. на русск. яз. и исследование см. [Алимов 2009, с. 254–299].

³⁷ Русск. пер. В. М. Алексеева см. [Алексеев 2006, т. 1, с. 196–197].

Отшельник Один из Шести ставит на второе место среди своих увлечений. По его словам, это были копии древних надписей; вероятно, имеются в виду эстампажи, сделанные с надписей на стелах и других предметах. Всего он собрал около тысячи таких свитков. Действительно, известно, что Оуян Сю серьёзно занимался исследованиями в области археологии и эпиграфики (*цзиньши-сюэ* 金石學) – его сочинение «Записи о собранных древностях» (*Цзи гу лу* 集古錄, 1063 г.) включает эпиграфические памятники (надписи на камнях, утвари, стенах храмов и др.) начиная с эпохи Чжоу (XI–III вв. до н. э.) и до эпохи Тан [Алимов 2006, с. 377]. Это занятие литератора, несомненно, было связано с духом эпохи, так как период Сун известен созданием обширных частных коллекций разнообразных предметов искусства [Кравцова 2004, с. 301–302].

Таким образом, «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» представляет не только индивидуальные особенности автора, но и черты эпохи. Они заметны и в жизнеописаниях танского времени, например Бо Цзюйи упоминает свой интерес к буддизму, который пользовался особенной популярностью при Тан, а Лу Гуймэн отмечает своё пристрастие к чаю, который также стал частью культуры китайских интеллектуалов именно в этот период. Про героев «жизнеописаний» Бо Цзюйи и Лу Гуймэна уже нельзя сказать, что это люди, живущие вне времени, как «Господин [под Сенью] Пяти Ив» у Тао Юаньмина: «Хмелея за чаркой [вина], слагать стихи и так радоваться своим устремлениям! Это человек [времен правящего] рода Ухуая или человек [времен правящего] рода Гэтяня?» 酣觴賦詩，以樂其志。無懷氏之民歟？葛天氏之民歟？， где Ухуай и Гэтянь – имена мифических правителей, соотносимых с глубокой древностью. В «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести», как и в «Жизнеописании Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» и «Жизнеописании Господина из Пули», персонажи представлены в историческом контексте эпохи, что придаёт этим текстам ещё большую ценность в плане биографичности.

Также присутствует в «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести» и тема музыки, которая воплощена в цитре (цине) – одном из пяти любимых предметов этого персонажа. Музыка не упоминается в «Жизнеописании Господина [под Сенью] Пяти Ив»,

тем не менее из ранних жизнеописаний Тао Юаньмина известно, что игра на цине составляла одно из его увлечений [Эйдлин 1967, с. 25–27]. В то же время музыка играет важную роль в «Жизнеописании Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи», где неоднократно говорится об игре на цине: [Господин] всегда делал так: сначала смахивал [пыль] со жбана для вина, а затем открывал ларец, [в котором он хранил] стихи. Когда же стихотворство и винопитие были в разгаре, то сам принимался играть на цитре, настраивал её на тональность *гун*³⁸ и играл один раз [мелодию] “Осенние думы”» 必爲之先拂酒壘，次開詩篋。詩酒既酣，乃自援琴，操宮聲，弄秋思一遍。 Далее идёт речь о других музыкальных представлениях – исполнении придворных мелодий «Из радуги [яркий] наряд, из [сверкающих] перьев убор» (*Ни шан юй и 霓裳羽衣*) домашним оркестром из слуг и пении новых куплетов-*цы* на мелодию «Ветви тополя и ивы» (*Ян-лю чжи 楊柳枝*) певицами, которых он также содержал. Эти детали в произведении Бо Цзюйи придают ему яркую индивидуальность, так как говорят об особых условиях жизни поэта в отставке, а также составляют приметы исторической эпохи – распространение популярной музыки и танцев в домах чиновников-литераторов. Похожие черты мы находим и в произведении Оуян Сю. В числе других предпочтений, упоминающихся в «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести», но не встречающихся в предшествующих «жизнеописаниях» – игра в облавные шашки (*вэйци 圍棋*), которые у нас более известны под их японским названием *го*³⁹.

Ещё одним отличием «Жизнеописания Отшельника Одного из Шести» от предшествующих произведений является отсутствие темы творчества (поэзии). Ко времени его создания она стала неременной частью образа литератора, пребывающего в отдалении от служебных обязанностей. Тон опять же задаёт «Жизнеописание Господина [под Сенью] Пяти Ив», в котором говорится: «[Он] часто сочинял прозу для собственной забавы, в которой очень бы [хотел всем] показать свои устремления, и забы-

³⁸ Первая ступень китайского пятиступенного лада.

³⁹ Подробнее об этих увлечениях Оуян Сю см. [Сунь Цзуньин 2016, с. 86–90].

вал задуматься [над тем], удачно вышло или нет. И так до конца своей [жизни]» 常著文章自娛，頗示己志。忘懷得失，以此自終。 Ему вторят и жизнеописания танских литераторов. Например, Бо Цзюйи пишет: «Так он провёл целые десять лет, за эти дни он сложил больше тысячи стихов и за эти годы приготовил⁴⁰ несколько сотен ху вина⁴¹, но [стихи] сочинённые, как и [вино], приготовленное до и после этого десятилетия, [в это число] не входят» 如此者凡十年，其間日賦詩約千餘首，歲釀酒約數百斛，而十年前後賦釀者不與焉。 В «Жизнеописании Господина из Пули» также говорится: «Господин, живя на покое, развлекал себя [сочинением] прозы, и даже [пребывая] в грусти и печали, в болезни и горести, по-прежнему, [даже если] в нужде не было средств к существованию и на десять дней, никогда не прекращал [сочинять даже] на время» 先生平居以文章自怡，雖幽憂疾痛中，落然無旬日生計，未嘗暫輟。 Вероятно, тема сочинительства не затрагивается в «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести», поскольку она и так очевидно занимала важное место в жизни Оуян Сю.

В этой связи мы можем сравнить «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» с более ранним произведением Оуян Сю – «Записками о беседке Пьяного старца» (см. Приложение 1). Между ними много общих тем, но при этом можно сказать, что второе дополняет первое. В «Записках о беседке Пьяного старца» появляются поэтические описания природы четырёх времён года, которые можно отнести к числу лучших в подобных произведениях китайской литературы; также подробно раскрывается тема винопития (источник, около которого построена беседка «старца», носит название «винного»⁴², и из него берут воду, чтобы изготавливать алкогольные напитки); упоминаются застольные игры, в том числе и облавные шашки. Тема винопития соединяется здесь с темой любования пейзажем, отдыхом на лоне природы: «[При этом] помыслы

⁴⁰ В минских и цинских изданиях собраний сочинений Бо Цзюйи также вместо слова «год» (*суй*) стоит *жи* 日 (дни), и тогда смысл также «в эти дни», «за это время», как и в первой части фразы; см. [Бо Цзюйи 1988, т. 6, с. 3785].

⁴¹ Один ху в эпоху Тан соответствовал 59,44 литра.

⁴² В общепринятых вариантах этого текста Оуян Сю; в вариантах текста присутствует разночтение, см. Приложение 1.

Пьяного старца не заключаются в вине, но в [красоте] здешних гор и вод. Эту радость гор и вод [он] воспринял [всем] сердцем и перенёс её в вино». Некоторые из этих же тем раскрываются также в стихотворении «Надпись для беседки Пьяного старца в Чучжоу» (*Ти Чучжоу Цзуйвэн тин* 題滁州醉翁亭) (см. Приложение 2).

Вместе с тем в «Записках о беседке Пьяного старца» говорится о творчестве как об особом удовольствии лирического героя: «Однако птицы знают [только] радость гор и леса, но не знают радостей людей; а люди [только и] знают радость гулять, следуя за правителем, но не знают, что правитель испытывает радость от их радости. [И тот, кто], опьянев, может вместе с ними радоваться, а протрезвев, может изложить [её] в [своём] сочинении, это [и есть] правитель области». Таким образом, мы понимаем, насколько важную роль творчество (стихотворство и сочинение прозы) играло в частной жизни Оуян Сю.

На первый взгляд, «Записки о беседке Пьяного старца» представляют собой развлекательную литературу, посвящённую описанию досуга. Тем не менее возможны различные интерпретации идей этого произведения, которые были представлены в работах китайских литераторов эпох Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) [Lian 2001]. Так, особенно выделяется мысль о том, что Пьяный Старец испытывает радость от радости окружающих. Она может быть сопоставлена со знаменитым отрывком из конфуцианской классической книги «[Трактат] Учителя Мэна» (*Мэн-цзы* 孟子, IV–III вв. до н. э.), в которой говорится, что правитель должен разделять радости с народом (подчинёнными)⁴³. Таким обра-

⁴³ Эта мысль высказывается в следующем отрывке: «[Мэн-цзы] сказал [лянскому Хуэй-вану]: «Если бы Ваша, ван, любовь к музыке была сильна, [государство] Ци было бы близко к [благоустройству]. Современная музыка следует музыке древности». [Ван] сказал: «Могу ли я услышать [об этом]? [Мэн-цзы] сказал: «[Вы] один радуетесь музыке или с другими радуетесь музыке, что [из этого] радостнее?» [Ван] ответил: «Лучше уж с другими». [Мэн-цзы] сказал: «С немногими радуетесь музыке или со многими радуетесь музыке, что [из этого] радостнее?» [Ван] ответил: «Лучше уж со многими». 曰：「王之好樂甚，則齊其庶幾乎！今之樂猶古之樂也。」曰：「可得聞與？」曰：「獨樂樂，與人樂樂，孰樂？」曰：「不若與人。」曰：「與少樂樂，與眾樂樂，孰樂？」曰：「不若與眾。」 После последующего рассуждения Мэн-цзы делает вывод: «Ныне если [Вы], ван, будет радоваться вместе с народом, то будете ваном!» (т. е. настоящим правителем. – РБ.) (今王與百姓同樂，則王矣) [Мэн-цзы; Лян Хуэй-ван 2, 8], см. также [Мартынов, Зограф 2000, т. 2, с. 25–27].

зом, даже во время отдыха литератор обращался к конфуцианским идеям, очевидно отмечая, что он в это время не перестаёт размышлять о работе совершенного администратора. В «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести» подобного настроения уже нет; оно посвящено сугубо частным интересам и удовольствиям поэта.

Что касается стиля и языка, которым написано «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести», то следует отметить, что в нём Оуян Сю следует своим основным творческим установкам. С его именем связано возрождение «движения за возврат к древности» (*фу гу* 復古), предполагавшее использование простого стиля, характерного для произведений, созданных при Хань и ранее [Locke 1951, part 2, p. 1–77; Liu 1967, p. 141–154; Алимов 2009, с. 252–253]. В этом Оуян Сю в основном опирался на опыт танских литераторов, в первую очередь Хань Юя 韓愈 (768–824). «Древний стиль» в прозе противопоставлялся изощрённой форме параллельной прозы (*пяньли вэнь* 駢儷文), которая была особенно популярна в эпоху Северных и Южных династий и в начале Тан. Оуян Сю был противником использования этого стиля в прозаических сочинениях, и это как его заслугу отмечали более поздние литераторы эпохи Сун⁴⁴. «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» можно назвать образцом такой безыскусной прозы. Тем не менее в нём также есть литературные аллюзии: например, открытая отсылка к притче Чжуан-цзы о человеке, который боялся собственной тени; также используется выражение из той же книги «[играть мелодии] в полях великого простора» (*Дунтин чжи е* 洞庭之野): «Пусть даже будут исполнять «Девять созвучий» в полях

⁴⁴ См., например, высказывание южносунского литератора Лу Ю 陸游 (1125–1209) из его дневника «Записки о поездке в Шу» (*Жу Шу цзи* 入蜀記): «В [годы правления] нынешней династии сочинения Яна и Лю завладели [все] Поднебесной, дошли до варваров *ди* и *и*; всё [это было написано в стиле] *пяньли*». Когда же появился князь Оуян [Сю], после [него этот стиль] был выметен без остатка. Впоследствии, хотя среди продвинувшихся [в учении] мужей одни [пишут] искусно, другие грубо, [однако] большинство [их] приближается к древней [простоте]. [Сочинения же], подобные этой стеле (стела храма Тоутосы в Учане времени Южной Ци. – Р.В.), нынешние люди не могут даже дочитать до конца: сидя тут же засыпают... Стало быть, можно сказать, что заслуга господина Оуян [Сю] велика». 本朝楊、劉之文擅天下，傳夷狄，亦駢儷也。及歐陽公起，然後掃蕩無餘。後進之士，雖有工拙，要皆近古。如此碑者，今人讀不能終篇，已坐睡矣.....則歐陽氏之功，可謂大矣 [Лу Ю, цз. 4, 19], русск. пер. Е. А. Серебрякова см. [Серебряков 1968, с. 59].

великого простора...» [Чжуан-цзы цзи ши 1985, цз. 10, с. 15–16; цз. 5b, с. 96]⁴⁵. Эти отсылки к «[Трактату] Учителя Чжуана» привносят в «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» некоторые элементы даосской философии – стремление к простоте и естественности, жизни в гармонии с природой и своими устремлениями, равнодушие к мирской славе, знатности и богатству, – хотя в этом случае и не ярко выраженные.

Также следует отметить шуточный и оптимистический тон «Жизнеописания Отшельника Одного из Шести», который нечасто встречается в подобных произведениях китайской классической прозы. Автор с надеждой ждёт отставки, когда он сможет полностью посвятить себя своим любимым занятиям, даже болезни и старость не омрачают его радости от жизни в творческом отдохновении. Идиллические картины жизни пожилого литератора в сельском поместье, наполненной различными интеллектуальными развлечениями, можно сравнить с подобными мотивами в европейской и русской литературе намного более позднего времени (XVIII–XIX вв.), где спокойная жизнь на лоне природы, вдали от городской суеты и служебных обязанностей, также стала считаться идеалом для поэтов и писателей.

Таким образом, «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» Оуян Сю представляет собой редкий образец шуточной «идеализированной» автобиографии, относящийся к зрелой стадии развития этой формы. Истоки её можно обнаружить в творчестве Тао Юаньмина и танских литераторов, которые также создали подобные «жизнеописания». Вместе с тем «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» обладает большой оригинальностью в сравнении с предшествующими «жизнеописаниями», в чём выражается индивидуальность литератора. В этом произведении, несмотря на его небольшой объём, явно проступают автобиографические черты; при этом можно проследить и отсылки к буддийской и даосской мысли, необычные для его предшественников. Оуян Сю сделал вклад в развитие традиционной формы автобиографической литературы в средневековом Китае. «Жизнеописа-

⁴⁵ Русск. пер. см. [Малявин 2004, с. 295–296, 156].

ние Отшельника Одного из Шести» также связано с более ранним творчеством Оуян Сю, в нём можно обнаружить отсылку к «Запискам о беседке Пьяного старца», более известному у нас произведению шуточной развлекательной прозы. Сравнение показывает общность тем и настроения этих двух текстов, которые вошли в золотой фонд классической китайской литературы.

Перевод «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» (Лю-и цзюйши чжуань 六一居士傳)⁴⁶

Отшельник Один из Шести сначала был сослан в Чушань [и тогда] взял себе прозвище «Пьяный Старец». [Когда же он] стал старым, дряхлым и больным, [он] собрался уйти на покой и [поселиться] на берегу реки Иншуй; тогда [он] снова изменил своё прозвище на Отшельник Один из Шести.

六一居士初謫滁山，自號醉翁。既老而衰且病，將退休於潁水之上，則又更號六一居士。

Один из гостей как-то спросил [его]: «Один из шести, – что [Вы] подразумеваете [под этим]?» Отшельник сказал: «У меня в доме хранится книга десять тысяч свитков; собраны тексты сохранившихся [древних] надписей на бронзе и камне начиная от трёх династий⁴⁷ – тысяча свитков; есть один цинь⁴⁸; есть одна доска для [игры в] ци⁴⁹; и часто я ставлю [там] один кувшин вина». Гость сказал: «[Но всё] это будет только одним среди пяти [увлечений], как же так?» Отшельник сказал: «[Если считать] со мной, господином, стареющим среди этих пяти [вещей], это разве не будет считаться «одним из шести»?»

⁴⁶ Перевод сделан с текста, приведённого в «Полном собрании сочинений» Оуян Сю [Оуян Сю 2001, т. 2, с. 634–636].

⁴⁷ Три династии – обобщённое название трёх древнейших периодов истории китайского государства Ся, Шан и Чжоу, которые считались золотым веком в китайской традиции.

⁴⁸ Цинь 琴 – традиционный музыкальный инструмент, на русский язык обычно переводится как «цитра».

⁴⁹ Ци 棋 – имеются в виду *вэйци* 圍棋.

客有問曰：「六一，何謂也？」居士曰：「吾家藏書一萬卷，集錄三代以來金石遺文一千卷，有琴一張，有棋一局，而常置酒一壺。」客曰：「是爲五一爾，奈何？」居士曰：「以吾一翁，老於此五物之間，是豈不爲六一乎？」

Гость, смеясь, сказал [ему]: «Вы разве хотите бежать от [своего] имени и всё время меняете своё прозвище? Это то, как Чжуан-цзы высмеивал того [человека], который боялся тени и бежал на солнечный свет⁵⁰. Я увижу, как Вы будете быстро бежать, задыхаться и умрёте от жажды, но не сможете убежать от [своего] имени». Отшельник ответил: «Я ведь знаю, что невозможно бежать от имени, но также знаю, что не следует бежать от него. То, что я взял это [новое] имя, – всего лишь хотел с помощью него отразить свою радость».

客笑曰：「子欲逃名者乎，而屢易其號。此莊生所謂畏影而走乎日中者也。余將見子疾走大喘渴死，而名不得逃也。」居士曰：「吾固知名之不可逃，然亦知夫不必逃也。吾爲此名，聊以志吾之樂爾。」

⁵⁰ В «[Трактате] учителя Чжуана», глава «Рыбак» (*Юй фу* 漁父), есть следующая притча, которая появляется в разговоре Конфуция с рыбаком: «Конфуций с печальным видом вздохнул, дважды поклонился, поднялся и сказал: “Меня, Цю, дважды изгнали из Лу, [мне пришлось] скрыться из Вэй, [на меня] повалили дерево в Сун, [я] был осаждён между Чэнь и Цай. Я, Цю, не знаю, в чём [мои] ошибки и почему [я] столкнулся с этими четырьмя [случаями] клеветы?” Лицо гостя стало печальным: “О, как трудно вразумить тебя! [Однажды] был человек, который боялся [собственной] тени, ненавидел [свои] следы и [решил] бежать от неё. Но чем больше [он] поднимал ноги [и шёл], тем больше следов оставлял [за собой]; [он] бежал всё быстрее, но тень не оставляла [его] тело. Ему казалось, что [он] всё ещё медлит, [и он] бежал [ещё] быстрее без остановки, [его] силы иссякли, и [он] умер. [Он] не понимал, что оставаясь в тени, [он] бы избавился от своей тени, оставаясь в покое, [он] прекратил бы [оставлять] следы; вот как [он] был глуп! Ты разбираешь понятия человечности и долга, вникаешь в границы подобного и различного, наблюдаешь за изменениями движения и покоя, ищешь меру в том, что получаешь и отдаёшь, упорядочиваешь чувства приязни и неприязни, приводишь к согласию радость и гнев, а едва не [попал в ситуацию, когда тебе] не избежать [беды]. Прилежно совершенствуй себя, бдительно храни подлинное в себе, вернись [к себе], передав дела [другим] людям; так ничто не будет утруждать [тебя]! Ныне [если ты] сам не совершенствуешь себя, а требуешь этого от других, не [одно] ли это внешне?»»

孔子愀然而歎，再拜而起曰：「丘再逐於魯，削跡於衛，伐樹於宋，圍於陳、蔡。丘不知所失，而離此四謗者何也？」客悽然變容曰：「甚矣子之難悟也！人有畏影惡跡而去之走者，舉足愈數而跡愈多，走愈疾而影不離身，自以爲尚遲，疾走不休，絕力而死。不知處陰以休影，處靜以息跡，愚亦甚矣！子審仁義之間，察同異之際，觀動靜之變，適受與之度，理好惡之情，和喜怒之節，而幾於不免矣。謹修而身，慎守其真，還以物與人，則無所累矣。今不修之身而求之人，不亦外乎！」 [Чжуан-цзы цзи ши 1985, цз. 10, с. 15–16], русск. пер. в целом следует переводу В. В. Малявина [Малявин 2004, с. 295–296].

Гость спросил: «Какова же эта [Ваша] радость?» Отшельник ответил: «Разве можно вполне описать мою радость? Когда я наслаждаюсь [этими] пятью вещами; [пусть] впереди будет гора Тайшань, [я её] не замечу; [если] внезапный гром ударит в столб [дома], [я его] не испугаюсь. Пусть даже будут исполнять «Девять созвучий» в полях великого простора⁵¹ или [если] станешь обозревать великую битву в Чжолу⁵², сравнения с ними не будет достаточно, чтобы описать мою радость и привольность. Тем не менее я часто волнуюсь, что не смогу в полной мере насладиться радостью от них; дела света приносят мне много усталости. [Самые] большие из них две: экипажи, одеяния, [нефритовые] жезлы и шнуры [для печатей]⁵³ утомляют моё тело⁵⁴ снаружи; заботы, страхи, думы и печали утомляют моё сердце внутри. Они заставляют моё тело даже без болезней уже истощаться; а [моё] сердце – ещё до старости преждевременно ослабеть. А до сих пор когда же у меня было

⁵¹ «Девять созвучий» (Цзю цзоу 九奏) – древняя мелодия, изобретение которой связывалось с мифическими правителями древности. В дальнейшем это название употреблялось в отношении придворной музыки более позднего времени, см. Ханьюй да цыдянь 2007, т. 1, с. 313]. «Великий простор» – дословно «просторный зал» (дун тин 洞庭). Это выражение происходит из «[Трактата] Учителя Чжуана» (глава «Движение Неба», или «Круговорот Небес» [Тянь юнь 天運]): «Бэймэнь Чэн вопрошал у Хуанди (Жёлтого Императора), сказав: «Вы, владыка, исполнили мелодию *сяньчи* в полях великого простора. Впервые услышав её, я испугался, снова услышав её, успокоился, а под конец, услышав её, пришёл в смятение. [Я долго] молчал в волнении и не [мог] прийти в себя» 北門成問於黃帝曰：帝張咸池之樂於洞庭之野，吾始聞之懼，復聞之怠，卒聞之而惑，蕩蕩默默，乃不自得 [Чжуан-цзы 1985, цз. 5b, с. 96]. Комментарий Чэнь Сюаньин 成玄英 толковал это место как «[всё пространство] между небом и землёй, это не [озеро] Дунтин, которое есть “великий простор”» (天地之間，非太洞之洞庭也). В переводе Малявина это тем не менее передаётся как «просторы у озера Дунтин» [Малявин 2004, с. 156, 371]. Здесь мы следуем толкованию древних китайских комментаторов, хотя возможен альтернативный перевод «исполнять Девять созвучий в полях у [озера] Дунтин». Под Дунтином здесь, вероятно, следует понимать не озеро Дунтин в современном Хубэе, а озеро Тайху 太湖 в Цзянсу (Дунтин – его древнее название).

⁵² Чжолу 涿鹿 – уезд в современной провинции Хэбэй, где, по преданию, произошла битва между Жёлтым императором и Чиоу 蚩尤 в глубокой древности, см. [Юань Кэ 1987, с. 95–97]. Там же, по одной из версий древних памятников, Чиоу и был казнён Хуанди [Юань Кэ 1987, с. 103]. Эпизоды с обозрением сражения как особого зрелища также встречаются в классических книгах, например в *Цзо-чжуани* 左傳 («Летопись Цзо»), см. [Egan 1984, p. 249].

⁵³ Нефритовый жезл (*юй гуй* 玉圭) и печать со шнуром (*инь шоу* 印綬) – всё это неперменные атрибуты чиновника, символы чиновничьей должности.

⁵⁴ Дословно «форму».

[свободное] время на эти пять вещей?» Хоть [это и] так, я уже просил о себе при дворе в течение трёх лет⁵⁵, и если однажды Сын Неба в милости сжадется надо мной и подарит мне мои кости [в моё распоряжение], так я смогу вместе с этими пятью вещами возвратиться к [своим] полям и хижине, надеюсь осуществить свои давние намерения. Это то, к чему я стремлюсь!

客曰：「其樂如何？」居士曰：「吾之樂可勝道哉！方其得意於五物也，太山在前而不見，疾雷破柱而不驚；雖響九奏於洞庭之野，闕大戰於涿鹿之原，未足喻其樂且適也。然常患不得極吾樂於其間者，世事之爲吾累者衆也。其大者有二焉，軒裳珪組勞吾形於外，憂患思慮勞吾心於內，使吾形不病而已悴，心未老而先衰，尚何暇於五物哉？雖然，吾自乞其身於朝者三年矣，一日天子惻然哀之，賜其骸骨，使得與此五物皆返於田廬，庶幾償其夙願焉。此吾之所以志也。」

Гость в ответ, усмехнувшись, сказал: «Вы знаете, что экипажи, одеяния, [нефритовые] жезлы и шнуры [для печатей] утомляют ваше тело, но не знаете, что пять вещей, [которые вы любите], утомляют ваше сердце?» Отшельник ответил: «[Это] не так! Утомление от тех давно досаждают [мне], и [я] много печалюсь; утомление от этих скоро проходит, [оставляя мне] счастье, а не горести. Что же я из них выберу, [по-вашему]?» Тогда вместе с гостем он поднялся [с места] и, пожимая его руку, громко смеясь, сказал: «Оставим это! Нисколько не стоит сравнивать [их]!»

客復笑曰：「子知軒裳珪組之累其形，而不知五物之累其心乎？」居士曰：「不然。累於彼者已勞矣，又多憂；累於此者既佚矣，幸無患。吾其何擇哉？」於是與客俱起，握手大笑曰：「置之，區區不足較也。」

Договорив, [он опять] сказал со вздохом: «Ведь чиновник, когда молод, служит; а когда стареет, уходит на покой; и есть такие, [кто для этого] не дожидается семидесяти [лет]!» Я издавна завидовал таким, это первая [причина, по которой мне] следует уйти [в отставку]. Некогда я использовался [на чиновничьем поприще] в [своё] время, но по окончании [службы меня] не хвалили [за успехи], это вторая [причина, по которой мне] следует уйти [в отставку]. В те времена [я]

⁵⁵ То есть просил об отставке.

был достаточно крепок, но теперь [я] стар и болен, поэтому мне сложно заставлять своё тело [трудиться]⁵⁶. [Если я] буду стремиться к чрезмерным почёту и жалованию, тем [я] нарушу свои давние устремления и «сам съем свои слова»; это третья [причина, по которой мне] следует уйти [в отставку]. У меня есть три [причины, по которым мне] следует уйти [в отставку]; и даже если бы [у меня] не было [этих] пяти вещей, мне положено было бы уйти [со службы]. О чём же ещё говорить?

已而歎曰：「夫士少而仕，老而休，蓋有不待七十者矣。吾素慕之，宜去一也。吾嘗用於時矣，而訖無稱焉，宜去二也。壯猶如此，今既老且病矣，乃以難彊之筋骸，貪過分之榮祿，是將違其素志而自食其言，宜去三也。吾負三宜去，雖無五物，其去宜矣，復何道哉！」

В седьмой день девятого месяца третьего года под девизом Синин Отшельник Один из Шести сам записал.
熙寧三年九月七日，六一居士自傳。

Приложение 1

«Записки о беседке Пьяного старца» (Цзуй-вэн тин цзи 醉翁亭記)⁵⁷

Вокруг Чу[чжоу] – повсюду горы⁵⁸. На их юго-западных вершинах лесá и ущелья особенно красивы, и обозревая их, [можно заметить] одну цветущую и выделяющуюся гору – это Ланье. Если идти в гору шесть или семь ли, постепенно станет слышен журчащий звук воды; [поток], извергающийся между двух вершин, – это «Винный источник»⁵⁹. А где вершины

⁵⁶ Дословно «мышцы и кости».

⁵⁷ Перевод сделан с текста, приведённого в «Полном собрании сочинений» Оуян Сю [Оуян Сю 2001, т. 2, с. 576–577]. В ряде изданий указывается, что текст был создан в 6-м году правления Цинли 慶歷, т. е. в 1046 г.

⁵⁸ Область Чучжоу находилась в восточной части современной провинции Аньхой. На самом деле горы, а именно гряда Ланье, о которой здесь идёт речь, расположены только с одной стороны от города. То, что горы окружают его со всех сторон, – поэтическое преувеличение.

⁵⁹ Нянцюань 釀泉 – дословно «Источник для изготовления вина». В некоторых изданиях используется название Жанцюань 讓泉, что дословно означает «уступленный, отпущенный» источник, что, видимо, связано с тем, что поток вырывается в месте, где расступаются две скалы, см. [Оуян Сю 1986, т. 1, с. 276].

повернут и дорога обогнёт [их, там] будет беседка, что раскинулась, как крылья [птицы], над источником; это беседка Пьяного старца. Кто же строитель [этой] беседки? – То был горный монах по имени Чжисянь⁶⁰. А кто ей дал [такое] имя? – То правитель [этой] области так называл себя.

Правитель области с гостями приходил сюда пить [вино], и [хотя он] мало пил, но сразу же пьянел, а потому [как из всей компании] он был самый пожилой⁶¹, [он] взял прозвание себе «Пьяный Старец». [При этом] помыслы Пьяного Старца не заключаются в вине, но в [красоте здешних] гор и вод⁶². Эту радость гор и вод [он] воспринял [всем] сердцем и перенёс её в вино⁶³.

環滁皆山也。其西南諸峰，林壑尤美。望之蔚然而深秀者，琅琊也。山行六七里，漸聞水聲潺潺，而瀉出於兩峰之間者，釀泉也。峰回路轉，有亭翼然臨於泉上者，醉翁亭也。作亭者誰？山之僧曰智僊也。名之者誰？太守自謂也。太守與客來飲於此，飲少輒醉，而年又最高，故自號曰醉翁也。醉翁之意不在酒，在乎山水之間也。山水之樂，得之心而寓之酒也。

И вот, когда солнце восходит – туман в лесу рассеется; когда облака возвращаются [к себе домой], утёсы и пещеры погружаются во мглу; [все эти] перемены тьмы и света – утро и вечер в горах. Дикие цветы распускаются и [источают] тонкий аромат; прекрасные деревья зелены, дают густую тень; ветер с инеем чисты в вышине; вода прозрачная⁶⁴, и камни выступают⁶⁵ –

⁶⁰ Это имя переводится как «мудрый бессмертный» (или «небожитель»), у Алексеева образно – «с умом, ушедшим от земли».

⁶¹ Дословно «высок годами».

⁶² Дословно «пребывают между [здесь] гор и вод».

⁶³ То есть перенёс свои чувства в винопитие; восхищение от красоты природы – в пирушки.

⁶⁴ В ряде изданий вместо слова «чистый, прозрачный» (*цин* 清) стоят слова «высыхает» (*хэ* 涸) или спадает (*ло* 落), тогда перевод будет звучать как «вода спадает (высыхает), и камни выступают вверх».

⁶⁵ Выражение «вода спадает (высыхает), и камни выступают [вверх]» (*шуй ло ши чу* 水落石出) употребляется как переносное в современном языке. В оригинале у Оуян Сю оно относилось к природному процессу – обмелению ручья, но в последующие периоды использовалось в значении «тайное становится явным». В переносном смысле это выражение употребляется уже в южносунских текстах [Ханьюй да цыдянь 2007, т. 2, с. 3105].

это [смена] четырёх сезонов в горах⁶⁶. С утра идёшь туда, а вечером возвращаешься домой, [пусть и] не сходны пейзажи четырёх сезонов⁶⁷, но радость от них неисчерпаема!

若夫日出而林霏開，雲歸而巖穴暝，晦明變化者，山間之朝暮也。野芳發而幽香，佳木秀而繁陰，風霜高潔，水清而石出者，山間之四時也。朝而往，暮而歸，四時之景不同，而樂亦無窮也。

А вот и те, что с поклажей на спине поют в дороге; путники отдыхают под деревьями. Те, кто [ушёл] вперёд, зовут [отстающих], а те, кто [идут] сзади, отвечают [им]. Согбенные [старика] шагают и за руки ведут [детей]⁶⁸; идут туда-обратно [по тропам] непрерывно – это жители Чу[чжоу] странствуют [в горах].

至於負者歌於途，行者休於樹，前者呼，後者應，僂僂提攜，往來而不絕者，滁人遊也。

[Старец] приходит к ручью и ловит рыбу: ручей глубок, а рыба жирная; из [воды] источника делает вино: вода ароматна, а вино прозрачное⁶⁹. Деликатесы гор и дикие овощи в беспорядке лежат перед [гостями], это пир у правителя области. Радость в опьянении на пиру не в [звуках] струн и бамбука⁷⁰; [но вот] кто-то стреляет и [в цель] попадёт⁷¹ или выигрывает в шашки-и⁷²; [тут штрафные] чарки и

⁶⁶ Сочетание «четыре времени» (*сы ши* 四時) может иметь значение как «четыре времени суток», так и «четыре времени года».

⁶⁷ Здесь, очевидно, имеются в виду четыре времени суток, а не четыре времени года, как в предыдущем случае.

⁶⁸ Алексей перевел эту фразу как «согнувшись, как горбун-урод, несут, несут». В этом переводе мы следуем современным китайским комментариям, см. также англ. переводы Р. Игана и Р. Хегеля [Egan 1984, p. 216; Maig 1994, p. 591].

⁶⁹ В некоторых вариантах в этой фразе иероглифы переставлены местами: «источник чистый, а вино ароматное» *цюань ле эр цю сян* 泉冽而酒香.

⁷⁰ Имеются в виду струнные и духовые музыкальные инструменты, духовые инструменты изготавливались из бамбука.

⁷¹ Очевидно, здесь речь идёт о специальной застольной игре, изобретённой Оуян Сю. На мишени были изображены девять животных, а бирки, соответствующие каждому из них, распределялись между гостями. Когда стрела попадала в одно из животных, игрок, у которого была соответствующая бирка, выпивал чарку. Бирки, упоминаемые далее, также, вероятно, относятся к этой игре, см. [Egan 1984, p. 247].

⁷² Игра и 弈 – древнее название облавных шашек *вэйци* 圍棋.

бирки⁷³ лежат в беспорядке. [Один] встаёт, [другой] сидит, и все кричат, шумят, в этом – веселье всех гостей⁷⁴; а тот, кто с бледным лицом и седыми волосами, расслабленно расположился между ними – это правитель области запьянел. 臨谿而漁，谿深而魚肥；釀泉為酒，泉香而酒冽；山肴野蔌，雜然而前陳者，太守宴也。宴酣之樂，非絲非竹，射者中，弈者勝，觥籌交錯，起坐而諠譁者，眾賓懽也；蒼顏白髮，頹然乎其間者，太守醉也。

Но вот закончен пир, вечернее солнце [садится] за гору, и тени людские рассеиваются и смешиваются; правитель возвращается домой, а гости следуют [за ним]. Лес покрывается темнотой, и птичьи голоса [доносятся] сверху и снизу; гуляющие ушли, а птицы рады. Однако птицы знают [только] радость гор и леса, но не знают радостей людей; а люди [только и] знают радость гулять, следуя за правителем, но не знают, что правитель испытывает радость от их радости⁷⁵. [И тот, кто], опьянев, может вместе с ними радоваться, а протрезвев, может изложить [её] в [своём] сочинении, это [и есть] правитель области. А кто правитель области? Это Оуян Сю из Лулина⁷⁶.

已而夕陽在山，人影散亂，太守歸而賓客從也。樹林陰翳，鳴聲上下，遊人去而禽鳥樂也。然而禽鳥知山林之樂，而不知人之樂；人知從太守遊而樂，而不知太守之樂其樂也。醉能同其樂，醒能述以文者，太守也。太守謂誰？廬陵歐陽修也。

⁷³ Бирки (筹 籌) – вероятно, имеются в виду счётные бирки чарок (цзючюу 酒筹), используемые в застольных играх.

⁷⁴ Возможный альтернативный перевод фрагмента: «Радость разгара пира – не [инструменты] струнные, не [инструменты] бамбуковые: метатели [стрел] попадают [в цель], игроки в шашки-и выигрывают, кубки и бирки друг с другом вперемешку, [люди] встают и садятся, шумят-галдят; это – веселье множества гостей». – Ред.

⁷⁵ В ряде вариантов в этой фразе отсутствует слово 而 而.

⁷⁶ Лулин 廬陵 – название древнего округа в уезде Цзичжоу 吉州 (район современного города Цзиань 吉安 в провинции Цзянси); это было место, откуда происходила семья Оуян Сю [Тото 1997, цз. 319, с. 10377, см. также Алимов 2009, с. 244]. В жизнеописании Оуян Сю из 10-томной «Истории Китая» неправильно указано, что этот округ находился в провинции Сычуань [Лапина, Бонч-Осмоловская 2014, с. 769].

Приложение 2

Надпись на беседке Пьяного старца в Чучжоу (*Ти Чучжоу Цзуй-вэн тин* 题滁州醉翁亭)⁷⁷

Сорок лет ещё не считаются старостью,
И Пьяный старец по случаю пишет стихи.
В опьянении [я] забываю о мирадах вещей,
Разве тут мне вспомнить о своих годах?
[Ведь я] только люблю поток под беседкой,
[Он] льётся из нагромождения скал.
Звук [его] таков, будто [он] падает с неба,
[Он] струится перед двумя стрехами [беседки].
[Вода] вливается в каменистый ручей,
Скрытый источник добавляет [своё] журчанье.
Шум [воды] не мешает людскому разговору,
Он звóнок не в пример трубкам и струнам⁷⁸.
Разве он не столь прекрасен, как звуки от шёлка и бамбука?
Но шёлк и бамбук не сравнятся с ним в мощи [звука].
Поэтому [я] часто приношу [сюда] вино,
Издаেকে уже [слышу] журчание [потока].
Дикие птицы смотрят на то, как пьянею,
Облака над ручьём оставляют меня поспать.
Горные цветы только и могут [мне] улыбаться,
[Они] не знают, как разговаривать со мной.
И только ветер, веющий с утёсов,
Обдувает меня, возвращая к трезвости⁷⁹.
四十未為老，醉翁偶題篇。
醉中遺萬物，豈復記吾年？
但愛亭下水，來從亂峰間。
聲如自空落，瀉向兩簷前。
流入巖石溪，幽泉助涓涓。
響不亂人語，其清非管絃。

⁷⁷ Перевод сделан с текста, приведённого в «Собрании сочинений» Оуян Сю [Оуян Сю 1986, т. 1, с. 367].

⁷⁸ Имеются в виду музыкальные инструменты, как и далее – «струны (или шёлк) и бамбук» (материалы, из которых их делали).

⁷⁹ Последнее слово *син* 醒 многозначно, может подразумевать как трезвость, так и пробуждение.

豈不美絲竹，絲竹不勝繁。
所以屢攜酒，遠步就潺湲。
野鳥窺我醉，溪雲留我眠。
山花徒能笑，不解與我言。
惟有巖風來，吹我還醒然。

Источники и литература

На русском языке

1. Алексеев 1958 – *Алексеев В. М.* (пер.). Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева / Под ред. Л. З. Эйдлина. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.
2. Алексеев 2002 – *Алексеев В. М.* Труды по китайской литературе / Сост. М. В. Баньковская; отв. ред. Б. Л. Рифтин. М.: Восточная литература, 2002.
3. Алексеев 2006 – Шедевры китайской классической прозы в переводах академика В. М. Алексеева. М.: Восточная литература, 2006.
4. Алимов 2008 – *Алимов И. А.* Оуян Сю // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. Т. 3. Литература. Язык и письменность. М.: Восточная литература, 2008.
5. Алимов 2009 – *Алимов И. А.* Лес записей. Китайские авторские сборники в очерках и переводах. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009.
6. Алимов, Кравцова 2014 – *Алимов И. А., Кравцова М. Е.* История китайской классической литературы с древности и до XIII в. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014.
7. Алимов, Серебряков 2004 – *Алимов И. А., Серебряков Е. А.* Вслед за кистью. Материалы к истории сунских авторских сборников бицзи. Исследования, переводы. Часть II. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
8. Березкин 2020 – *Березкин Р. В.* «Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» поэта Бо Цзюйи (838 г.) и традиция китайской автобиографии (перевод с предисловием // Общество и государство в Китае. Т. L. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2020. С. 368–389.
9. Гуревич 2001 – *Гуревич И. С.* (вступ. статья, пер. с кит., коммент. и грамат. очерк). Линь-цзилу. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.
10. Кравцова 2004 – *Кравцова М. Е.* История искусства Китая. Краснодар-М.: Лань, 2004.
11. Лапина, Бонч-Осмоловская 2016 – *Лапина З. Г., Бонч-Осмоловская О. А.* Знаменитые сановники, мыслители, деятели культуры эпохи

Сун // История Китая с древнейших времён до начала XXI века. Т. IV: Период Пяти династий, империя Сун, Государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907–1279). М.: Наука, 2016, с. 767–801.

12. Малявин 2004 – Чжуан-цзы: Даосские каноны / Перевод, вступит. статья, коммент. В. В. Малявина. М.: Астрель, 2004.

13. Мартынов 1982 – *Мартынов А. С.* Буддизм и конфуцианцы: Су Дун-по (1036–1101) и Чжу Си (1130–1200) // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. М.: Наука, ГРВЛ, 1982.

14. Мартынов, Зограф 2000 – *Мартынов А. С., Зограф И. Т.* (пер.). Классическое конфуцианство. Т. 2: Мэн-цзы, Сюнь-цзы. СПб.-М.: Нева, Олма-Пресс, 2000.

15. Меньшиков 2007 – *Меньшиков Л. Н.* Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова / Пред. И. Ф. Поповой; отв. ред. И. А. Алимов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007.

16. Переломов 2004 – *Переломов Л. С.* (ред.). Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. и коммент. А. И. Кобзева и др. М.: Восточная литература РАН, 2004.

17. Серебряков 1979 – *Серебряков Е. А.* Китайская поэзия X–XI вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.

18. Серебряков 1968 – *Серебряков Е. А.* (пер.) Лу Ю. Поездка в Шу. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.

19. Сторожук 2010 – *Сторожук А. Г.* Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб.: Береста, 2010.

20. Торчинов 2002 – *Торчинов Е. А.* Философия буддизма Махаяны. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002.

21. Эйдлин 1967 – *Эйдлин Л. З.* Тао Юань-мин и его стихотворения. М.: ГРВЛ, 1967.

22. Юань Кэ 1987 – *Юань Кэ.* Мифы Древнего Китая. Изд. 2-е, испр. и доп. Пер. с кит. М.: ГРВЛ, 1987.

На западных языках

1. Bauer 1990 – *Bauer W.* Das Antlitz Chinas. Die autobiographische Selbstdarstellung in der chinesischen Literatur von ihren Anfängen bis heute. München: Carl Hanser, 1990.

2. Egan 1984 – *Egan R. C.* The Literary Works of Ouyang Xiu (1007–1072). Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

3. Franke 1976 – *Franke H.* (ed.). *Sung Biographies*. Wiesbaden: Steiner, 1976.
4. Lian 2001 – *Lian Xianda*. The Old Drunkard Who Finds Joy in His Own Joy – Elitist Ideas in Ouyang Xiu's Informal Writings // *Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews*. № 23. 2001. P. 1–29.
5. Liu 1959 – *Liu J. T. S.* Reform in Sung China; Wang An-shih (1021–1086) and His New Policies. Harvard: Harvard University Press, 1959.
6. Liu 1967 – *Liu J. T. S.* Ou-Yang Hsiu, an Eleventh Century Neo-Confucianist. Stanford: Stanford University Press, 1967.
7. Locke 1951 – *Locke M. A.* The Early Life of Ou-Yang Hsiu and His Relation of the Rise of the Ku-wen Movement of the Sung Dynasty. PhD dissertation. London: University of London, 1951.
8. Mair 1994 – *Mair V. H.* (ed.). The Columbia Anthology of Traditional Chinese Literature. New York: Columbia University Press, 1994.
9. Mair, Berezkin 2009 – *Mair V. H., Berezkin R.* Autobiographical Features in Bai Juyi's 'Biography of the Maestro of Mellow Versification' // *Text, Performance, and Gender in Chinese Literature and Music: Essays in Honor of Wilt Idema*. Leiden: Brill, 2009. P. 23–44.
10. Warner 2003 – *Warner D. X.* A Wild Deer Amid Soaring Phoenixes: the Opposition Poetics of Wang Ji. Honolulu: University of Hawaii Press, 2003.

На китайском и японском языках

1. Бо Цзюйи 1988 – *Бо Цзюйи* 白居易. Бо Цзюйи цзи цзяньчжу 白居易集箋注 (Собрание сочинений Бо Цзюйи с толкованиями и комментариями) / Ред. Чжу Цзиньчэн 朱金城. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海古籍出版社, 1988.
2. Ван Ин 2017 – *Ван Ин* 王瑩. Оуян Сю цзычжуань дэ сюйши цзицяо юй чжэсы июнь 歐陽修自傳的敘事技巧與哲思意蘊 (Приёмы повествования и философский смысл автобиографии Оуян Сю). Чжэнчжоу дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) 鄭州大學學報 (哲學社會科學版) (Журнал Чжэнчжоуского университета: Философия и общественные науки). Т. 50. № 4. 2017. С. 85–90.
3. Вэньсюань 1987 – *Сяо Тун* 蕭統 (ред.), *Ли Шань* 李善 и др. (коммент.) Лю чэнь чжу вэньсюань 六臣注文選 («Литературный сборник» с комментариями шести сановников). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1987.
4. Каваи Ко:дзо: 1996 – *Каваи Ко:дзо:* 川合康三. Тю: гоку но дзидэн бунгаку 中国の自伝文学 (Китайская автобиографическая литература).

Токио: Со: бунся 創文社, 1996 (кит. пер.: Чжунго дэ цычжуань вэньсюэ 中國的自傳文學 / Кит. пер. Цай И 蔡毅. Пекин: Чжунъян бяньи чубаньшэ 中央編譯出版社, 1998).

5. Луньюй 2000 – Луньюй чжу шу 論語注疏 («Беседы и суждения» с примечаниями и комментариями-вставками) / ред. Чжу Ханьминь 朱漢民 // Шисань цзин чжушу 十三經注疏 (Тринадцатиканоние с комментариями). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ 北京大學出版社, 2000.

6. Лу Ю – Лу Ю 陸游. Жу Шу цзи 入蜀記 (Записки о поездке в Шу) // Чжунго чжэсюэ шу дьяньцыхуа цихуа 中國哲學書電子化計劃 (Проект оцифровки философских книг Китая). URL: [https:// ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=326328](https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=326328) (дата обращения 17.07.2022).

7. Лю Дэцин 1995 – Лю Дэцин 劉德清. Оуян Сю чжуань 歐陽修傳 (Биография Оуян Сю). Харбин: Хаэрбинь чубаньшэ 哈爾濱出版社, 1995.

8. Мэн-цзы – Лян Хуэй-ван ся 梁惠王下 (Лянский Хуэй-ван, [часть] нижняя) // Мэн-цзы 孟子 ([Трактат] Учителя Мэна) // Чжунго чжэсюэ шу дьяньцыхуа цихуа 中國哲學書電子化計劃 (Проект оцифровки философских книг Китая). URL: <https://ctext.org/mengzi/liang-hui-wang-ii/> (дата обращения: 20.03.2022).

9. Оуян Сю 1986 – Оуян Сю 歐陽修. Оуян Сю цюань цзи 歐陽修全集 (Полное собрание [сочинений] Оуян Сю). Пекин: Чжунхуа шудянь 中華書店, 1986 (Репринт издания 1936 г.).

10. Оуян Сю 2001 – Оуян Сю 歐陽修. Оуян Сю цюань цзи 歐陽修全集 (Полное собрание [сочинений] Оуян Сю) / Ред. Ли Иань 李逸安. Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 2001.

11. Сунь Цзунъин 2016 – Сунь Цзунъин 孫宗英. Ши «Люи»: Оуян Сю жичан шэнхо дэ синьтай чжуаньсян цзи лиши каоча 釋“六一”: 歐陽修日常生活的心態轉向及歷史考察 (Объяснение «Одного из Шести»: изменение отношения к повседневной жизни у Оуян Сю и историческое исследование). Чжэцзян сюэкань 浙江學刊 (Научный журнал Чжэцзяна). 2016. № 05. С. 85–96.

12. Тао Юаньмин 1996 – Тао Юаньмин 陶淵明. Тао Юаньмин цзи цзяоцзянь 陶淵明集校箋 (Собрание [сочинений] Тао Юаньмина, выверенное и с комментариями) / Ред. Гун Бинь 龔斌. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海古籍出版社, 1996.

13. Тото 1997 – Тото 脫脫 и др. (ред.). Сун ши 宋史 (История Сун) // Эршисы ши 二十四史 (Двадцать четыре [династийные] истории). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1997.

14. Ханьюй да цыдянь 2007 – Ханьюй да цыдянь: соиньбэнь 漢語大詞典: 縮印本 (Большой словарь китайского языка: компактное изда-

ние)/ Ред. Ло Чжунфэн 羅竹風. Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ 上海辭書出版社, 2007.

15. Цюань Тан вэнь 2002 – Цюань Тан вэнь (Полное [собрание] танской прозы) 全唐文 / Сост. Дун Гао 董誥, ред. Сунь Инкуй 孫映逵. Тайюань: Шаньси цзяюй чубаньшэ 山西教育出版社, 2002.

16. Чжуан-цзы 1985 – Чжуан-цзы цзи ши 莊子集釋 («[Трактат] Учителя Чжуана» с собранием пояснений) / Сост. Го Цинфань 郭清藩, ред. Ван Сяюй 王孝魚. В сер. «Синь бянчэ чжу цзы цзичэн» 新編諸子集成 (Заново составленное «Собрание всех Учителей»). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1985.

17. Шэнь Юэ 1997 – *Шэнь Юэ* 沈約 и др. (ред.). Сун шу 宋書 (Книга Сун) // Эршиси ши 二十四史 (Двадцать четыре [династийные] истории). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1997.